

Она на мгновение застыла в замешательстве, вспомнив принцессу Яньцин, и, высвободив свою изящную руку, тихо произнесла:

— Боюсь, что впредь я не смогу так служить господину.

Осознавая своё низкое положение, она не посмела упоминать принцессу и, увидев, что Лэ Юй, стоя у края бассейна, повернулся к ней спиной, сняла с запястья золотые и нефритовые браслеты, лично выжала полотенце и начала вытирать его спину. На его стройной спине виднелись длинные кровавые следы, которые она приняла за следы страсти, оставленные женщиной. Её тонкие руки на мгновение остановились, и она приложила смоченное в горячей воде полотенце к его спине, намекая:

— Это не похоже на следы какой-то знатной девицы, она, должно быть, была слишком избалована. Не знаю, была ли это ваша красавица или же какая-то кошечка.

Лэ Юй же вспомнил, как в последний раз, когда он наклонился к Сяо Шанли, тот изо всех сил ухватился за его плечи. Его нежная кожа была не хуже, чем у женщины, а прерывистое дыхание и стоны всё ещё звучали в его ушах. Если бы в тот день это не было частью заговора, а произошло по обоюдному желанию, это было бы самым страстным и блаженным моментом в его жизни, которого он никогда не испытывал с кем-либо другим. Он не обращал внимания на разницу в положении и, ощущая лёгкую боль в заднем проходе, всё ещё испытывал жалость к Сяо Шанли, просто сказав:

— Действительно, это была избалованная дикая кошечка.

Не Фэйлуань, будучи сторонним наблюдателем, почувствовала скрытый подтекст его слов и заметила, что в его сердце уже зародилась глубокая нежность. Она зачерпнула горячую воду и полила его крепкую спину, тихо вздохнув:

— Тогда эти царапины — это страдания, которые господин сам выбрал.

Слова «страдания» прозвучали очень резко, и Лэ Юй вспомнил унижение и мучения, которые он пережил, будучи обманутым. Острая боль от недавнего кровохарканья снова поднялась в его груди, и он, отстранив её руку, коротко сказал:

— Тайную комнату под павильоном Дайсюэ нельзя оставлять. Засыпьте её сегодня же.

Поскольку хозяин Павильона Весеннего Дождя, Третий молодой господин Гу, предоставил ему право принимать решения, он не ошибся. Не Фэйлуань, не понимая, почему его настроение так резко изменилось, всё же покорно ответила:

— Хорошо. Я немедленно отдам распоряжение. Есть ещё одна вещь, о которой я хочу сообщить господину. Мы получили сообщение из павильона: хозяин лично направляется в столицу.

Гу Сань лично едет в город Цзиньцзин. Лэ Юй нахмурился, как раз в этот момент служанка постучала в дверь ванной комнаты и доложила, что прибыл доктор Инь. Лэ Юй встал и сказал:

— Как раз вовремя, я тоже хочу его видеть.

Схватив халат, он накинул его на себя и, всё ещё влажный и окутанный паром, вышел.

Инь Усяо также выглядел усталым, и даже этот обычно цветущий, словно магнолия, красавец казался несколько измождённым. Увидев настоящее лицо Лэ Юя, он лишь мельком взглянул на его черты, а затем сосредоточился на его состоянии, сказав:

— Ты выглядишь хуже, чем я ожидал.

Лэ Юй протянул руку:

— Кажется, это наша первая встреча, доктор Инь, и вы совсем не удивлены.

Инь Усяо ответил:

— Я врач, внешность человека и его костяк не слишком отличаются, поэтому я могу понять, как ты выглядишь на самом деле.

Подержав его за пульс, он задумался и сказал:

— Ты безрассудно использовал какую-то технику ци, и твоя энергия ци пошла в обратном направлении, повредив меридианы сердца и истощив кровь. Этого недостаточно, потом ты разгневался, что повредило печень, печаль повредила легкие, а чрезмерная страсть... ну, последнее не твоя вина. Твоё сердце охладилось, меридианы переполнены злой жарой, и все внутренние органы повреждены. Даже если я сделаю всё возможное, тебе лучше уйти в затворничество для лечения. Однако ты не только не уйдёшь в затворничество, но и будешь скрывать свои раны.

Инь Усяо даже усмехнулся:

— К сожалению, даже если ты будешь скрывать свои раны, ты не выдержишь больше двух месяцев.

Лэ Юй спросил:

— Что произойдёт через два месяца?

Инь Усяо ответил:

— Самое заметное — ты не избежишь ранней седины. К тому времени твои волосы поседеют на треть или четверть, и я интересуюсь, как ты объяснишь это людям?

Если достичь уровня младшего гроссмейстера до тридцати лет, можно сохранить молодость благодаря своим способностям. Более того, глубокая практика Сутры Истинного Удовольствия клана Лэ должна была защитить от воздействия времени, и среди предков Лэ никогда не было тех, кто поседел до тридцати лет. Лэ Сяньюй до самой смерти выглядела как двадцатипятилетняя, за что её называли небожительницей.

Лэ Юй сказал:

— Зачем мне объяснять что-либо людям?

Инь Усяо, похоже, ожидал такого ответа, покачал головой:

— Ты действительно такой, ну что ж. Судя по твоим симптомам, ты уже избавился от яда Корня Страсти.

Он вдруг замолчал, но Лэ Юй не обратил на это внимания и спросил:

— Когда яд действовал, я был как во сне, не мог отличить реальность от иллюзии. Другой человек тоже был в таком состоянии?

Инь Усяо усмехнулся:

— В жизни слишком много ограничений, такой яд должен был сделать так, чтобы обе стороны не знали, что происходит на самом деле, и могли насладиться тайной страстью, делая то, что хотели, но не осмеливались.

Лэ Юй сказал:

— Не стоит об этом думать, это был просто весенний сон.

Инь Усяо хотел что-то добавить, но Лэ Юй, очнувшись, нахмурился:

— Что ты хотел сказать?

Инь Усяо настаивал:

— Яд Корня Страсти легко вывести, и весенний сон тоже легко увидеть, но я уже говорил тебе, что секс для избавления от яда неизбежно приведёт к беременности. То, что ты сделал, даже если обе стороны были как во сне, требует ответственности, и тебе нужно заранее подготовиться.

Лэ Юй сказал:

— Можешь не беспокоиться, никто не забеременеет.

Инь Усяо, сохраняя мягкость, но настойчивость, сказал:

— Откуда ты знаешь, что не будет ребенка? Чтобы избавиться от этого яда, недостаточно одного или двух раз.

Лэ Юй посмотрел на него некоторое время, но не мог сказать, что он был с князем Цзинчэн, не с женщиной, а с мужчиной... Инь Усяо не отводил взгляд, и Лэ Юй почувствовал внезапное

раздражение, сдержав себя:

— Не стоит больше говорить об этом, это абсолютно невозможно.

Инь Усяо тихо вздохнул:

— Ты сам это сказал, я тебя предупредил.

Он встал, чтобы собрать свои лекарства, и, обратившись к двери, спросил, есть ли чернила. Служанка, затаив дыхание, подала их, и, пока он писал рецепт, Лэ Юй сказал:

— Через несколько дней приедет Гу Сань.

Рука Инь Усяо, держащая кисть, на мгновение остановилась. Если Гу Сань приедет, Тэнъи обязательно последует за ним. Лэ Юй спросил:

— Ты увидишься с ним?

Чернильная капля упала на бумагу, и только тогда он опустил кисть:

— Я бы предпочёл не видеть его.

Это относилось к нему и Гу Саню, но он, о чём-то задумавшись, тихо усмехнулся и сказал Лэ Юю:

— Ты же, кажется, столько страсти, что кажешься равнодушным.

Сяо Шанли очнулся от весеннего сна только через два дня, всё ещё находясь в смятении. Благодаря Гу Хуань, которая скрыла это происшествие, все его приближённые знали только то, что он потерял сознание в павильоне Дайсюэ из-за травмы, вызванной звуками циня, и вторжения холодного ветра.

На следующий день он, взяв подарки, отправился навестить «господина Лин». Лэ Юй всё ещё жил на живописной лодке Шуцзин. На этот раз Сяо Шанли прибыл инкогнито, взяв с собой множество слуг. Не Фэйлуань попыталась остановить его:

— Господин сейчас не в настроении принимать гостей, прошу вас...

Сяо Шанли махнул рукой, и слуги оттолкнули её, открыв дверь. Она упала в объятия служанки. Сяо Шанли прошёл в её спальню, осмотрел кровать, занавески, мягкие диваны, шахматную доску и чайные принадлежности, затем обошёл ширму с изображением двух бабочек и вошёл в ванную комнату. Маленькая служанка как раз помогала Лэ Юю одеться, и Сяо Шанли сказал:

— Отойди.

Она, не успев завязать пояс на его халате, испуганно отступила.

Его плечи были широкими, а высокий рост делал его стройным. Серебристо-серый халат был расстёгнут до живота, обнажая гладкие и крепкие мышцы, на которых не было видно следов страсти. Сяо Шанли не мог оторвать взгляд от его лица, мысленно повторяя: «Так вот как он выглядит». В целом он остался прежним, но стал совершенно новым, лишь несколько мелких деталей в области бровей и носа изменились, и его черты внезапно приобрели выдающееся выражение. Однако Сяо Шанли больше не испытывал той радости, которую ожидал, увидев его настоящее лицо. Он некоторое время смотрел на Лэ Юя, затем сказал:

— Господин, как и я, был болен, но теперь я поправляюсь, и господин тоже выздоровел.

Не Фэйлуань медленно вошла, и Лэ Юй сказал:

— Князь Цзинчэн прибыл с таким напором, не для того, чтобы навестить больного.

Сяо Шанли вежливо ответил:

— Господин шутит. В тот день я был в помрачении сознания, не знаю, что произошло и как я вернулся во дворец. Я подумал, что господин, возможно, знает, и специально пришёл спросить.

Лэ Юй, не торопясь, сказал:

— О? Князь думает, что что-то произошло, и специально пришёл спросить меня?

Сяо Шанли на мгновение заколебался, но затем решительно сказал:

— Я думаю, что ничего не произошло.

Лэ Юй глубоко посмотрел на него, не зная, действительно ли князь Цзинчэн всё забыл, как во сне, или у него были другие мысли, и не изменился ли он после этого события или просто показал своё истинное лицо. В конце концов он сказал:

— Тогда, как пожелал князь, я скажу вам, что ничего не произошло.

Сяо Шанли резко поднял на него взгляд, и в его глазах на мгновение мелькнула борьба, но в конце концов он поклонился:

— Благодарю господина.

Их страсть была окончательно разорвана, и больше не было никакой связи. Тот, кто боролся за трон, мог продолжать свою борьбу, а тот, кто находился вдали от власти, мог уйти, как только дело будет завершено. Возможно, после страсти наступает охлаждение, и, находясь так близко, можно понять, что даже после физической близости другой человек никогда не откажется от своей позиции.